

В. И. Красиков

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОНТОЛОГИЙ

Эфемериды

Его во времени и другие эссе

DirectMEDIA

В. И. Красиков

**КОНСТРУИРОВАНИЕ
ОНТОЛОГИЙ. ЭФЕМЕРИДЫ.
ЕГО ВО ВРЕМЕНИ
И ДРУГИЕ ЭССЕ**

**Москва-Берлин
2014**

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
К78

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта № 06-03-0201-а

Рецензенты:

А. Н. Чумаков, д. ф. н., проф. (Москва);
В. И. Кудашов д. ф. н., проф.) (Красноярск)

Красиков, В. И.

К78 Конструирование онтологий. Эфемериды. Его во
времени и другие эссе : сборник эссе /
В. И. Красиков. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. –
304 с.

ISBN 978-5-4475-3768-5

Книга представляет собой сборник эссе. Первая часть, «Конструирование онтологий», посвящена анализу общих механизмов сознания, которые формируют мировоззренческие схемы в мифе, искусстве, религии, философии и науке.

Вторая часть отведена экзистенциальным эссе, описывающим особенности субъективного переживания времени, мимолетность человеческого присутствия, страх и неприкаянность как формы освоения мира, своеобразие мужского и женского восприятия любви, динамики ее развертывания.

Третья часть предлагает вниманию читателей историко-философские эссе – от первого, выражающего анализ современной ситуации и авторское философское кредо, до анализа «Бытия и сознания» Хайдеггера с антропологической точки зрения.

Книга ориентирована на читателей, уже имеющих опыт знакомства с философскими текстами и интересующихся соответствующей проблематикой.

УДК 882

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4475-3768-5

© Красиков В. И., текст, 2014

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
-----------------------	---

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОНТОЛОГИЙ

Конструирование онтологий	7
§ 1. Мифологии	31
§ 2. Эстетические онтологии	39
§ 3. Религиозные онтологии	49
§ 4. Философские онтологии	60
§ 5. Научные онтологии	71

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЭССЕ

Эфемериды	81
Его во времени	96
Трагифарс, или Осень среднего возраста	120
Неприкаянность	148
Любовь и себялюбие	170
Страх	214

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ЭССЕ

Современная философская ситуация и постметафизика	239
Dasein: антропологические реминисценции	262
Вильгельм Дильтей: проблема чужого сознания	284
Н. А. Бердяев: тоска по трансцендентному	295

<i>Цитируемая литература</i>	302
------------------------------------	-----

*70-лЕТИЮ МОЕЙ МАМЫ,
Галины Геннадьевны КрАсиковой,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ВВЕДЕНИЕ

Я давно хотел написать эту книгу. Вернее те два ключевых очерка, чьи названия вынесены в заглавие. Может, было бы даже хорошо, если каждая из этих двух тем составила отдельную книгу. Однако я решил не умножать сущностей без достаточного на то основания. В принципе это оказалось хорошим решением: всё, что я хотел по сути сказать, я сказал и в этих произведениях «малого жанра», или предлагаемых здесь очерках. Другой путь, путь «монографии», был бы неоправданно длинен, более извилист и сопряжен с переизбытком скорее иллюстрирующей информации. Он более утомителен и для пишущего, и для читающего: перечислять и доказывать. На мой же взгляд, интересные, захватывающие философские идеи должны быть выражаемы по возможности кратко, ярко и непринужденно. В идеале. Как это вышло – судить скорее читателю. Идеал ведь на то и идеал, что к нему стремишься всю свою жизнь и вряд ли когда можешь сказать, что он хотя бы отчасти как-то достигнут.

Идеи «Конструирования онтологий» зрели давно, начиная еще с «Предельных значений в философии». По сути предлагаемый очерк и есть «предельные значения спустя 10 лет» или они же, но представленные более, так сказать, в «антропологическом» и «операциональном» измерениях. Десять лет назад я пытался доказать то, что значения, субъективно полагаемые в функции «пределов», существуют во всех философских учениях и играют там важнейшую роль. Здесь же меня интересовало в первую очередь выявление общих механизмов сознания, создающих сами возможности онтологических схем, и не только в философии, но и во всех других формах мышления, имеющих дело с выработкой каких-то «картинок мира»: мифе, искусстве, религии и науке.

«Эфемериды» как метафора кратко живущих созданий, бабочек-однодневок, – для описания качества мимолетности в переживаниях человеком своего существования, – также давно привлекала мое воображение. Я рад, что мне всё же удалось «зафиксировать прибыль» – мои давнишние неясные наития и зыбкие образы воплотить в предлагаемом эссе.

«Трагифарс» – также совсем свежая вещь, написанная, как и две предшествующие, в первой половине 2006 года, времени благодетельного отдохновения от грантовых проектов, когда возникла относительно редкая свободная возможность концептуализации текущих экзистенциальных переживаний.

Четыре других экзистенциальных очерка включены в эту книгу из «Этюдov самосознания», вышедших в Кемерово в 2000 году. На мой взгляд, это лучшее из того, что было в том сборнике этюдov. Разумеется, я подверг прежние этюды авторской правке: три из них сокращены вполонину, несколько изменена стилистика, убраны места, уже поразившие меня же своим анахронизмом либо наивом.

Наконец, последнюю часть книги составляют историко-философские эссе, написанные в последние три-четыре года и публиковавшиеся в региональных журналах. Особо обращаю внимание читателей на первое из них – «Современная философская ситуация и постметафизика». Полагаю, что на сегодняшний день это наиболее внятнoe, резюмированное выражение моей философской позиции.

Эта книга не могла бы появиться без финансовой поддержки РГНФ, потому моя первая благодарность – тем профессионалам нашего экспертного сообщества, которые нашли возможным поддержать мой проект.

Моя любовь и обожание – моим музам: маме, супруге и дочери, без их постоянной незримой поддержки я не смог бы вообще функционировать как действующий философ.

Моя благодарность и глубокое уважение – моему издателю Евгению Кольчужкину, его коллегам и партнерам, которые в столь непростой для нашей духовной традиции обстановке делают всё возможное и невозможное для сохранения и развития некоммерческой литературы.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОНТОЛОГИЙ

Человек в конце концов находит в вещах лишь то, что он сам вложил в них: это обретение называет себя наукой, а вкладывание – искусством, религией, любовью, гордостью.

Ф. Ницше

Говорят, что неврастеники строят воздушные замки, психотоники живут в них, психиатры взимают и с тех и с других арендную плату.

Дж. Рэлф Оди

Строят воздушные замки либо живут в оных, однако, не только неврастеники и психотоники. К этому склонны, так или иначе, и большинство из нас. Коммерческий успех бесконечных мелодрам, рождественских сказок, волшебных историй, комедий, боевиков, фильмов ужасов, триллеров, в которых главных героев после всех страстей и испытаний ждет всё же хэппи-энд, наглядно свидетельствует об этом. Правда, есть известное количество зануд и умников, которых заводят беспросветный реализм и трагедии. Но вряд ли и они исключение. Разумеется, они утонченнее, рафинированнее, но и им нужно то же самое, но разве что под другим фантиком. Большая значительность, уверенность в себе или же понимание себя и мира не сваливаются просто так на голову, их надо выстрадать, за них надо заплатить дорогую цену.

Всегда и везде людям нужны были истории, сочиненные другими людьми. Их слушание, просмотр, чтение – необходимый фрагмент нашей жизни. Представим, что вдруг бы исчезли вся литература, искусство, религия, философия и наука (как популярные объяснения того, что есть мир), – жизнь просто бы

остановилась на время, пока дети, писатели, философы вновь бы не напридумывали рассказы о мире и о смысле жизни в нем.

Понятно, что кроме реального функционирования, выживания, оптимизации, контроля нам нужны и документалистика, и зеркальная фиксация, и фактография. Однако они обслуживают именно функциональную, малую часть нашей жизни – работу тех из нас, кто имеет дело с непосредственными процессами обеспечения выживания. Но и у них это лишь малая толика их полнокровной жизни, которая поддерживается уже совсем другими, специфическими картинками мира.

Это картинки мира, казалось бы, обычного – такого, который окружает нас, но с небольшими и, вместе с тем, существенными поправками в благоприятную для нас сторону. Это мир, привитый благорасположением к нам, склоненный к нам. Онтологии – из разряда подобных мировоззренческих картинок мира, только более обобщенные и рационализированные. Однако и они выполняют такие же функции «утепления» холодного, объективного, равнодушного к нам мира, его очеловечивания и подстраивания под себя.

Попробуем теперь философски более точно сформулировать проблему и задачи того, что нам предстоит сделать здесь. Фундаментальная философская проблема, в сени которой мы здесь находимся, – мера субъективности и объективности в наших обобщенных, схематизированных картинах мира, или же онтологиях, создаваемых в мифологиях, религиях, художественных и научных практиках и, наконец, в рафинированных специализированных формах – в философии. Речь идет не об «адекватности» онтологий (схем) миру, ибо сама конкретная окружающая нас действительность всегда чувственна, множественна и непрерывна. Возможные эмпирические, всегда косвенные свидетельства могут быть использованы, в зависимости от интерпретативных техник, в равной степени как для подтверждения, так и для фальсификации наших схем реальности, называемых онтологиями.

Ясно, что проблема настолько фундаментальна, что вряд ли подъемна для работы малого жанра, – следовательно, необходимо ее конкретизировать. Конкретная проблема в рамках сформулированной выше заключается в непроясненности менталь-

ных инстанций и процедур установления и определения самих квалификаций «субъективного» и «объективного». Зачем конструируются сознательно и бессознательно онтологии, каковы их общие и специфические механизмы?

Процесс прояснения можно наметить следующим образом. Вначале попытаемся ответить на сакраментальный вопрос: «зачем» людям это надо, всем ли, всегда ли. Затем зададимся вопросом о месте онтологий в человеческом познании, функциях «метафизического». Разумеется, основное внимание будет уделено выявлению природы полагания и его процедур, описанию фундаментальной ментальной диспозиции, ответственной за само продуцирование и закрепление в традиции «субъект-объектной» установки. И, наконец, мы намерены сравнить специфику классических типов человеческих онтологий: мифа, религии, искусства, науки и философии.

Мы придерживаемся линии трансцендентализма в философии, представленной последовательностью Декарта – Канта – Гуссерля – Хайдеггера¹. Это означает, что философия и другие крупные духовные формации типа науки, искусства, религии рассматриваются здесь как объективно-идеальные явления некой самостоятельной, наряду с природным миром и повседневностью, реальности. Это то, что Кант называл «трансцендентальным миром» – миром общечеловеческого сознания, объективированного в общественных отношениях, нормах, текстах. Однако помимо объективированных, овнешненных форм сознания существует и постоянная, так сказать, «живая» мыслительность миллиардов людей. Несмотря на регионально-культурные и персонально-экзистенциальные вариации, трансцендентальная позиция вменяет всем людям фундаментальное сходство в сознании и механизмах его функционирования. На том вообще и основана сама возможность философствования: философ исследует механизмы своего сознания и вменяет их наличие, с известными поправками, всем другим. Обладая кredo, мировоззренческой схемой, он склонен верить и рассчиты-

¹ Она имеет более древнее происхождение (Парменид: думать и быть – одно), но всё же адекватно выражена лишь в новоевропейской философии. Она основана на принципе тождества бытия для нас и его образа в мысли.

вать на то, что его внутреннее найдет отклик, понимание и в душах других людей именно в силу этой предполагаемой фундаментальной общности. Также философ предполагает, что подобные же схемы и кредо организуют мыследеятельность и остальных, потому их можно обсуждать и сравнивать.

Наличие подобных схем мировидения подтверждается текстами и высказываниями представителей самых разных культур и общественных слоев. Они есть, все это знают, но никто не может внятно сказать, откуда они появились. К примеру: идеи Бога, красоты, любви, блага, добра и зла – как именно «идеи», не конкретно красивые люди и вещи, конкретные отношения, связи, называемые «любовью, добром или злом». Ясно, что это не просто общие слова и суждения. Слова есть лишь итог, поверхность под ними – массив подспудной каждодневной внутренней духовной совместной работы: мысли, экзистенциальных страстей, воли к самоутверждению. На основе предполагаемого трансцендентального единства сознания мы считаем возможным вменять результаты индивидуальной рефлексии сознанию своих остальных собратьев по виду.

Теперь попытаемся четче определить наши основные исходные термины. Вначале необходимо предпослать лингвистические разъяснения, которые определяют специфику семантических координат слова «онтология», ее культурное «гнездо».

Согласно классике современной лингвистической философии (Ф. де Соссюр, Ч. Пирс, Р. Барт и др.), любое слово (обозначение) имеет следующие аспекты своего значения. В применении к «онтологии» это будет выглядеть следующим образом.

→ *Контекст происхождения.* Словари¹ едины в том, что слово происходит из греческого. Первая часть слова *on* – род, падеж, и (либо?) *ontos* – сущее, слово, понятие. Вторая часть слова *logos* – учение. Таким образом, по контексту происхождения это либо учение о родах, падежах, т. е. искусство оперирования формами слов, родами и падежами, либо учение о конструировании слов как выразителей самого обстоятельства дел, смысла.

¹ Большой энциклопедический (1998. С. 843); Философский энциклопедический (1983. С. 458).

- *Денотат*. Как и многие абстракции, слово «онтология» не имеет своего внеположенного денотата. Это, однако, не означает, что оно вообще не имеет денотата. Он есть, но имеет свое расположение внутри сознания. Это «идеальные объекты», другие абстракции – регулятивные идеи чистого разума или понятия, которые не эвристичны, т. е. не описывают или показывают внешнее обстояние дел, а призваны объединять, синхронизировать другие наши представления и идеи. К примеру, абстракции «материи», «сознания», «человека», «силы», «движения» и мн. другие. Правила и результаты оперирования подобными абстракциями, приводящие к построению их согласованных моделей, схем, и есть онтология. Таким образом, денотат онтологий – предписания, остающиеся в большинстве случаев неотрефлексированными для тех, кто мыслит абстракциям, связывая их определенным образом. Это происходит из того, что природа этих предписаний не дескриптивна, а *перформативна*, т. е. они выражают наши волю, предпочтения и существуют в непосредственных мыслительных действиях, но не в нормах. Если они становятся объектом рефлексии и всё же нормируются, то они превращаются в «методы», но теряют свое качество «интуитивных усмотрений». Некто утверждает нечто о реальности, подчиняясь прежде всего своим непроясненным внутренним предпочтениям, ожиданиям, будучи в то же время убежденным, что это есть резонирующая с сущим генеральная интуиция. Итак, денотат онтологий – интеллектуальная интуиция, реализующаяся в общих наитиях, упорядочивающих определенным образом все наши остальные представления о мире.
- *Сигнификат* или смысл слова, как и его коннотации, мы будем определять далее всем последующим изложением. Здесь же можно лишь отметить следующее:
- а) генеральный смысл слова «онтология» – учение о бытии, сущем – был утвержден в качестве такового впервые немецким философом Р. Гоклениусом (R. Goclenius, 1613) и закреплен более известным, немецким же философом Х. Вольфом;

- б) в англо-американской философской традиции «онтология» понимается как часть (ветвь) метафизики, имеющая отношение к природе бытия¹.

Итак, под онтологиями мы будем понимать схемы, совокупности обобщенных суждений о мире и человеке, выражаемых в разнообразящихся формах понятий, образов и метафор. Под *конструированием*² мы понимаем осознанные и большей частью неосознанные процессы формирования подобных обобщенных суждений (мышление, представление, проговаривание), последующего оперирования, манипулирования с ними – в создании внутренне взаимосогласованных последовательностей или «картин мира».

Полагание – суггестивные процедуры³ провозглашения своих утверждений о мире в соответствующем контексте. Утверждений, в которые провозглашающий сам серьезно уверовал, обдумал их доказательства и ступешвал возможные возражения.

Если бы онтологии создавались лишь в философии или науке, мы могли бы объяснить их существование резонами «познава-

¹ «Ontology – the branch of metaphysics dealing with the nature of being». Illustrated Oxford Dictionary. New York. Oxford. Published, created, and produced in the United States and Great Britain in 1998 by Dorling Kindersley limited and Oxford University Press. Inc. – P. 570.

² Наиболее близка к тому, о чем здесь идет речь, традиция исследования схем мыследеятельности в направлении, инициированном Г. Щедровицким. Так, А. Ю. Бабайцев называет это «онтологической работой» (Бабайцев А. Ю. Онтологическая работа // Всемирная энциклопедия. Философия / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. М.: Аст; Мн.: Харвест. Современный литератор, 2001. С. 731). Однако, насколько я понял, здесь ограничиваются всё же лишь исследованиями онтологической работы в философии, философской рефлексии, конструирующей онтологические и гносеологические схемы.

³ Процедуры воздействующего убеждения на других: слушателей, читателей, публику в широком смысле слова. Суггестия – внушение, использующее обширную гамму средств, тайных и явных, логических и эмоциональных. В нашем случае суггестия в большинстве случаев не преднамеренная как какая-то преследующая корыстные цели захвата контроля – здесь она неутилитарная, выражает жар собственной веры и убежденности, чья сила передается респондентам.

тельного удобства», «необходимости целостного взгляда на мир» и пр. Однако они представлены тотально в разных проявлениях нашей духовности, а в своих простейших формах – и у любого мало-мальски самостоятельно мыслящего человека. Каждый подобный человек имеет свое мировоззрение и способен в случае надобности попытаться кратко и внятно изложить его в виде своего «кredo», «символа веры». Это свидетельствует о том, что обозначенные выше процессы «конструирования», «полагания» свойственны не только специализированным группам ученых и философов, но в своей упрощенной, мало осознаваемой форме и многим из нас.

Таким образом, человеческий разум с разной степенью успешности и осознанности препарирует действительность, точнее исходный материал чувственного опыта – конкретные, контекстные значения, переоформляя их в специфически человеческую символически-смысловую реальность. Онтологии есть сам *контекст и масштаб* смысла.

Что есть символически-смысловая реальность? Под символами мы имеем в виду чувственные, знаковые и мысленные обозначения, в которых закодированы определенные группы значений или смыслы. Значения – характерные отношения деятеля (субъекта, актора) к какому-либо объекту, явлению, процессу. Число символов, их комбинации бесконечно варьируемы в зависимости от особенностей индивидуальных и групповых (культурных) переживаний реальности и, соответственно, могут быть наполняемы разнообразяющимися смысловыми аранжировками.

Для нас здесь важно, что:

- ▲ онтологии и есть *текстура* человеческих символически-смысловых реальностей;
- ▲ они обуславливаемы в своем создании антропо-экзистенциальными потребностями;
- ▲ создание онтологий представляет собой набор специфических мыслительных операций, в корне меняющих исходный продукт чувств.

Создание нового, человеческого, символически-смыслового контекста и правил «игры», т. е. определение состава и харак-

тера отношений между его ингредиентами производно от действия 4 основных процедур, которые препарируют и переоформируют значения конкретно-чувственной, континуальной, контекстуальной и нейтральной реальности в хорошо знакомые и близкие нам онтологии. Это:

- ▲ *упрощение*;
- ▲ *субъективация объективного и объективация субъективного*;
- ▲ *полагание*, объявление пределов и провозглашение некоторых ингредиентов «безусловными» и установление отношений уславливания к остальному;
- ▲ *объективирование*, вынос вовне «картины», наполнение ее чувственными элементами или выборочная сертификация достоверностью.

Остановимся чуть подробнее на характеристике этих процедур.

То, что наше мышление упрощает или схематизирует восприятия, известно давно. Понимание и есть подобные упрощение и схематизация, т. е. неперемное возникновение уверенности в большей значимости (распространенности, важности) одних выбранных факторов перед другими. Природа этой уверенности или некоторых *исходных предпочтений (преференций)* априорна и субъективна. Одни предпочитают одно, другие – другое. Если в религиозных и научных онтологиях подобные преференции редуцируемы и унифицируемы, то в мифологических, художественных и философских априорные субъективные предпочтения находят большую свободу для реализации¹. Вместе с тем, хотя разброс предпочтений субъективно-иррационален, однако постоянство их состава и наличие повторяющихся комбинаций (шаблонов) предпочтений вполне рационализирует многие онтологии: их можно структурировать и типизовать исходя из опыта извечных повторов.

Такая базовая операция мышления как абстрагирование, к примеру, и есть сочетание неких подобных предпочтений, когда мы одни свойства предмета считаем более важными (поче-

¹ Произвол мифа, свобода художественного вкуса, свобода метафизических преференций в философии.

му? как правило, не отвечаем внятно, оставляя ситуацию «по умолчанию») и выделяем их для характеристики его «качества», тогда как другие считаем несущественными и отвлекаемся от них (практически элиминируя их). Что-то в нас, некий формирующий импульс, выхватывает из имеющегося множества какой-то фрагмент, скорее отвечающий этому внутреннему (как «замок – ключу»), создавая чувство уверенности в том, что это и есть «сущность», «природа» того, что рассматривается в данном случае. Формирующий импульс есть то в нас, что естественным образом подталкивает на упрощение и схематизацию, заставляет верить в то, что упрощенно-абстрактная картина и есть «смысл», «квинтэссенция» изучаемого. Это то, что исходно именно дает форму, формирует – не прямо направляет к чему-либо, а определяет возможный состав и его внутренний рисунок. Это не «интенция» феноменологии с ее конкретной ориентированностью состояния «ожидания – полагания» будущего вполне узнаваемого объекта.

Существуют психологические объяснения данного феномена, суть которых заключается лишь в констатации эмпирически доказанной закономерности: наше внимание имеет постоянно сфокусированный характер, т. е. способно удерживать актуально одновременно от 3 до 6 позиций. Речь идет об удержании, т. е. постоянном перекрестном сопоставлении небольшого количества, полагаемого как резко отличных, суждений по какому-либо вопросу. Подобный небольшой объем удержания задается, однако, не просто нашей природной ограниченностью, как неявно подразумевает психологическое объяснение, а исходной уверенностью в том, что суть можно выразить в небольшом количестве вариантов: двух, трех, четырех... Это явление К. Леви-Строс называл бинарностью (тринарностью) нашего мышления, ограничиваясь также лишь констатацией. И хотя последующее познание людей устремляется по пути конкретизации и выявления всё большего количества модальностей между «полюсами» (добра и зла, света и тьмы, конечного и бесконечного, начала и конца, истины и лжи и пр.), они всё же продолжают оставаться незыблемыми точками ординат и абсцисс.

Таким образом, есть исходное форматирование на упрощение и схематизацию, зафиксированное психологами и историческими антропологами. Но какова природа подобного *импульса* форматирования или толчка, побуждения? Он иррационален лишь до момента своей рационализации, как и многое в человеческом познании.

Импульс к упрощению связан с оцениванием как исходным онтологическим отношением человеческого сознания или его бытийным качеством «монады». Наиболее ценно, значимо редко встречающееся, в пределе – уникальное, штучное. Чем проще мир, тем он ценнее, – заявлял еще Ф. Ницше. Человеческое сознание бессознательно стремится к предельному упрощению – к ситуации «мир – человек», «субъект – объект» – именно *для своего исключительного выделения* среди всего прочего бесконечного многообразия сущего в привилегированную сверхценную категорию, равностатусную всему остальному прочему, которое может быть признано равнозначным лишь в совокупности противопоставления. Кант говорил, что это – трансцендентальные идеи (объекта, субъекта, Бога), призванные упрощать и регулировать, т. е. они не эвристические, но регулятивные идеи. Он оставлял открытым вопрос их происхождения, глухо упоминая о некоей метафизической потребности. Если же называть вещи своими именами, то исходный импульс к упрощению есть, по-видимому, импульс «завязи» и рождения самосознания, «я», многократно описанный в превращенно-мистической форме многими философами-идеалистами¹.

Это и есть процесс появления именно человеческого качества сознания – формы «я», которая центрирует, фокусирует, иерархизует мыслимое и мыслящее содержание. Упрощение создает само «я» и упрощение становится фундаментальной матрицей отношения сознания с миром, – всё прочее есть «не-я» или мир. Как «я» покоряет, контролирует ментальное содержание сознания (мысли, эмоции, наития и пр.), так и я-органи-

¹ Плотин: Единое и его прогрессирующее расщепление, порождающее в конечном счете Ум и материю. Фихте – его знаменитые полагания и противопологания «Я» и «не-Я» как процессы онтологического самоконструирования сущего.

зованное сознание стремится затем освоить (сделать своим) окружающее.⁸

Тот же подход дуализации или бинаризации сохраняется и в более конкретных случаях направления внимания «я» на более узкие сегменты окружающего мира, которые, в свою очередь, исходно подвергаются процедурам абстрагирования, затем дробления на два с последующей прогрессирующей диверсификацией.

Исходным же импульсом, запускающим и поддерживающим функционирование подобной абстрагирующе-дуализирующей ментальной «машины «я», является имманентно-конститутивное качество самой «я-йности» как формы. Лейбниц нашел удачную формулировку – «монада», «монадность»: «один», «уникальный», «вбирающий, содержащий в себе всю остальную вселенную».

Ценность, оценивание – *исходно эгоцентрическая онтологическая форма осваивания мира*. Это органичное для «я» отношение с миром, посредством которого оно и делает мир своим, присваивает его через редуцирование «сущностного» (читай: нужного, значимого для нас) и второстепенного.

Упрощение и оценивание – исходные глубинные формы самоконституирования «я-йности». Она иррациональна лишь до тех пор, пока мы не отрефлексируем ее.

На самом же деле процесс ментального формирования «я-йности» вполне рационален с точки зрения эволюции как появление нового мощного ресурса выживания. «Я-йность», «монадность», а проще говоря, самовозвеличивание, стягивание значимости на себя есть появление нового рода сущего или же форматирование нейтрального самого по себе бытия ценностью. Ведь мир сам по себе внеценностен и никак не значим, как проницательно отмечал Л. Витгенштейн.

Так вот, появление человеческого сознания с его «я-йной» формой организации, в отличие от неотчетливого центриро-

¹ Это не только «западная модель» сознания, как о том любят говорить иррационалисты и мультикультураллисты. Восточное «я» также осваивает мир, только другими, не столь примитивно-накатными средствами. Оно либо подменяет исходно мир собой же, но, так сказать, в космической ипостаси (Дао, Брахман), либо тотально его отрицает (тотальное становление буддистов: если нет меня, то нет вообще ничего).

вания интеллекта высших животных, означало появление принципиально нового «игрока» – исходно онтологически слабого, но с демиургическим самомнением и такими же амбициями.

Вера, в данном случае в широком смысле – вера в разумность, осмысленность (по сути «я-йность») мироздания, есть мощнейший ресурс силы, выживания, позволяющий беспомощным, слабым существам, былинкам, исчезающе малой части противостоять всему остальному. Что бы ни вышло из подобного противостояния, однако сам его прецедент стал возможным благодаря именно ресурсу веры, в чем и рациональность появления ценностного форматирования сознанием своего окружения. Упрощение есть и необходимый, естественный исходный импульс, и путь создания самого контекста человеческих картин мира, его текстуры значимостей, значений.

Ну, и не будем забывать о том, что упрощение всегда коррелирует с «проще» – более простая среда облегчает ориентацию, контроль и управление. Любое образование с ограниченными ресурсами самоподдержания стремится к «экономии сил», для того распределяя их лишь на выбранных участках реагирования, где выбор задается калькуляцией (осознанной либо нет) возможностей, потребностей и угроз. Здесь предпочтения – первые формы человеческих ценностей также зависимы от упрощения – фокусирования внимания на приоритетах и отвлечения от второстепенного¹.

Другая процедура переоформления значений чувственного опыта в контекст онтологий – субъективация объективного и объективация субъективного. Сами формулировки, придуманные отнюдь не мною, выражают *неустранимую центрированность* отношений «субъекта-объекта» (человека-мира) на субъекте (человеке). Подобная центрированность предстает:

- в исходном, бессознательном устанавливании, пробуждении к активности в виде идущего изнутри необоримого импульса к упрощению-оцениванию, выстраиванию содержания опыта под себя;

¹ «Создание простой среды», хотя бы в животном и первично-человеческом представлениях, для задач оптимизации выживания предвдвляет появление собственно человеческой формы «я-йности».

- в последующей фиксации установленного, ощущаемого как «найденное», в словах, терминах, задающих знаменитую главную философскую оппозицию «субъекта-объекта», «человека-мира», пресловутый логоцентризм¹;
- в неустранимой однополюсности активности, главный агент которой, иррадирующий основные возмущения, метаморфозы, есть субъект. В одном случае он трансформирует посредством себя мир, прямо навязывая ему свою форму. В другом, используя более косвенные формы насилия, подменяет собой, подставляет незаметно *вместо* неприятно-безразличных (незначимых) для меня, нейтральных реалий опять-таки себя (мои значимости).

Если предыдущая процедура, упрощение, создает фундамент – простоту (из сложности) и значимости как таковые, то процедуры субъективации-объективации *гомогенизируют* новый контекст, создавая прямо-таки человекоподобный мир².

Основные формы субъективации мира (вменения субъективного) и объективации (выноса вовне своего содержания) выделяемы в качестве отдельных условно. По сути это две стороны одной медали – антропоморфизации, очеловечивания мира.

Субъективация мира находит свое выражение во вменении ему своих качеств:

¹ Деррида прав в своей критике схематизирующего принуждения мыслительных форм, установленных и закрепленных в «осевое время», Его проект онтологического конструирования и является попыткой дальнейшего развития. Однако, заметим, это дальнейший шаг *после* предшествующе-необходимого. Бинаризм и схемы «осевого времени» не есть заблуждение, ошибка-уклонение, а естественная фаза развития мышления. Можно обсуждать достоинства дальнейших вариантов развития онтологического конструирования лишь *после* ее непременно прохождения, и она в снятом, свернутом виде непременно будет присутствовать в любом новом варианте онтологического конструирования.

² Степень человекоподобия может различаться, достигая своего максимума в мифологических и религиозных онтологиях и своего минимума – в научных. Философские и художественные онтологии барражируют между ними.

- *Темпоральных ограничений существования.* По матрице наблюдений над живыми существами (рождение – смерть) мы обязательно задаемся вопросами о начале и конце мира, его кратности и многократности во времени, стреловидной, обратимой или необратимой последовательности хода времени.
- *Пространственных ограничений.* Обладая телом, размерностью, мы не можем не задаваться вопросами о конечности-бесконечности, расширении-свертывании Вселенной, единичности-множественности миров.
- *Качественных фаз развития.* Мы претерпеваем развитие (необратимые направленные качественные характерные изменения) и склонны вменять его и всей Вселенной, стремясь найти в ней признаки «молодости», «зрелости», «расцвета» или «заката» и пр.
- *Смысла как такового.* Человек, для которого в его ограниченном смертностью континууме существования «быть – значит генерировать смыслы, жить в них», обязательно предъявляет миру подобные вопрошания о смысле «бытия как такового», равно как и непременно озаботится выяснением проблемы: а каково отношение мира к человеку, какой смысл сам человек представляет для Вселенной?
- *Эстетических качеств.* Селективно относясь к формам окружающих предметов, чем бы это ни обуславливалось, мы склонны искать «красоту», «гармонию», «совершенство», равно как и их антиподы, во всей космической тотальности.
- *Моральных состояний.* Имея опыт общения с разными людьми и оценивая их по степени благожелательности по отношению к себе, мы также стремимся квалифицировать и весь мир в целом по «его отношению к нам». Так рождаются представления о «благом», «жестоком» или же «бездушном, мертвом» мирах. Даже научное отрезвление в отношении мира сопровождается обязательной, может, и произвольной, но некой отчасти этической реакцией «поражения в правах» – это «хаос» без начала и цели.

Почему происходит подобная субъективация? Она происходит из фундаментального обстоятельства «устройства сознания»

ния» – его радикальной закупоренности – лишь через осознание, мысль нам являет всё остальное. Это единственная реальная «материя», материалы нашего существования. Соответственно, только «я» доказуемо и очевидно. По матрице «я» мы создаем общий формат понимания всего остального сущего, в чем и состоит «субъективация». Очеловечивая мир, мы делаем его ближе, доступнее себе, обеспечивая возможные компенсации и относительный комфорт существования.

Центральной процедурой переоформления чувственного содержания в «картины мира», процесса создания онтологий, следует признать *полагание*. Видимая, внешняя часть полагания – провозглашение своих утверждений о мире, в которые провозглашающий верит, приводя соответствующие аргументы. Однако этому предшествует большая, невидимая внешнему наблюдателю часть, которая и составляет собой суть полагания. Это наделение части понятий привилегированным статусом, составление из них некоторой схемы. Подобные процессы в большинстве своем безотчетны, однако некоторые ключевые из них предполагают всё же выбор, фокусирование внимания каким-то образом. Они запечатлеваются, засвечиваются в виде интуитивного озарения, вспышки инсайта.

Их содержание приобретает у нас высокий статус доверия и их изложению сообщается наша искренняя убежденность. Потому-то полагание и является «стержнем» конструирования онтологии – здесь происходит полубессознательное определение основного рисунка схемы мироздания и оно имеет вид «ага-переживания», *трансценденции*, проникновения в само сущее, т. е. то полуосознание, которое сообщает ему характер «тайного откровения», гениальной догадки, убеждает более всех возможных рациональных и систематических доказательств.

Суть полагания – интуитивный выбор группы понятий (образов), подходящих на роль «предельных», выявление ключевых и составление из них онтологической схемы. «Предельными значениями» я называю функцию, которую играют в онтологических схемах некоторые общие понятия из употребительного национального словаря. Это функция лимитирования, замыкания пределов мироописания, «оконечивания» смыслов: какое-то слово, термин объявляется содержательно более адекватным

и точным для выражения границ сущего, происходящего. Выбор этот – результат сначала безотчетного индивидуально-волевого акта (затем последует убежденное доказывание на основе искренней веры). Вместе с тем, субъективность акта полагания не следует преувеличивать – сама безотчетность его говорит о детерминирующем воздействии целого ряда неконтролируемых факторов¹.

Свобода полагания относительна и зависит от степени его осознания, рационализирующей рефлексии. Рассмотрим основные составляющие процесса полагания, так сказать, в его «невидимой» части.

- Масштабирование или определение уровня, где происходят фундаментальные события: элементарный, холистский, человекоразмерный².
- Соответственно уровню устанавливаются ключевые для данной онтологии предельные понятия – самое важное, безусловное³.

¹ Это антропологический фактор: архетипы коллективного бессознательного и типологические психические характеристики. Это социокультурный фактор: региональные культурные и религиозные привычки мышления (Восток-Запад, ислам-христианство-буддизм и пр.), национальные грамматики языка, определяющие характерные исходные диспозиции мышления. Это ситуативно-культурный фактор: исторические ситуации в соответствующем ментальном пространстве народа, эпохи – имеющиеся школы, направления, «партии».

² Наука тяготеет к определению элементарного уровня как микросозидающего, хотя сегодня есть и «холистическая физика». Религиозные онтологии холистичны по определению, моралистские и художнические – человекоразмерны. Философия традиционно представляет многообразие вариантов, это лаборатория человеческой мысли и чувства окружающего.

³ Онтологиям, которые масштабируют мир с элементарного уровня, соответствуют предельные значения типа атома, монады, кварка, струн вакуума, платоновской идеи и пр. Холистские онтологии полагают предельными значения Дао, Брахмана, Абсолюта, Бога, субстанции, материи, природы, Логоса и мн. др. Человекоразмерные онтологии объявляют предельными значения вида, человечества, культуры, общества, цивилизации, персоны и т. п.

- Выстраивание сценария мира, мировой мозаики, где другие выбранные понятия (также ключевые в данных онтологиях) ставятся в отношения уславливания, производности, вторичности, зависимости. Рисунок связей происхождения, субординации составляется, усматривается через фокус положенных ранее предельных значений. Формулируются принципы уславливания всего остального от положенного безусловного¹.

Ментальное напряжение интуитивного выбора, озарение и последующая работа продумывания *переживаются как трансценденция*, прорыв сквозь имеющиеся в культуре пределы и установление новых. На деле происходит либо реструктуризация уже имеющегося, либо переописание старого новыми, придуманными, введенными автором словами (создание другого словаря). Это не означает, что уже совсем ничего нового не случается в истории человеческих картин мира. Они прогрессирующе детализируются, уточняются, давая в итоге новые универсальные принципы², стремление к преодолению, радость авторского усмотрения нового дубля в имеющемся – постоянный экзистенциальный ресурс человеческого самоутверждения.

Наконец, завершающая процедура полагания – *объективирование*, вынос, выборочная сертификация достоверностью. Проще говоря, это когда мы действительно начинаем видеть мир таковым, каким он уже ранее полубессознательно, полуосознанно сформирован нашим творческим воображением и мышлением.

Мир для нас – всегда мир прежде всего символических форм, и наше сознание само их производит в виде значимостей, смыслов, неосознанно проецируя их затем в саму действительность, «наполняя их материей» и «находя» их затем вовне. Пассивное отражение составляет лишь предварительное условие, фон, «материал», который соединяется с нашими схемами. Можно

¹ Они очень разные. Навскид: детерминизм – свобода воли, апатия – героический энтузиазм, развитие и взаимосвязь, хаос, красота, жизнь, благо, гармония и мн. др.

² Вероятность, развитие, эволюция, парадигма, сублимация, бифуркация и т. п.

даже сказать точнее, что наши схемы, образы, формы начинают «проступать» в материале, как контуры изображения на проявляемой фотографии, однако при условии, что само запечатление идет изнутри, накладываясь на изначально недифференцированный, неартикулированный материал, поступающий извне¹.

Говоря другими словами, смыслы довлеют над восприятием. Разумеется, наши смысловые схемы не могут нарушать общих пропорций констатирующего чувственного восприятия. Вместе с тем, само качество последнего (конкретность, фрагментарность) принципиально подчиняет его безотчетному, т. е. по видимости априорному оформляющему насилию рассудка и разума.

Настолько велика сила подобного насилия, что «естественно» объективирует не только такие простые формы, как геометрические или образы животных², но и абстракции Бога, материй, частиц³ и т. п.

Об объективировании форм-схем издавна говорят с разной степенью внятности некоторые из философов: Аристотель, Кант, Гуссерль, Бердяев, Г. Г. Прайс и др. Если бы об этом говорили лишь философы, и то не все, то можно было бы списать это явление на условность, метафоричность некоторых философских суждений, однако объективирование смыслов-форм в про-

¹ Понятно, что момент экспозиции, т. е. состояние неартикулированности в восприятии, мимолетен, исчисляем миллисекундами, ибо формы-схемы или, говоря психологическим языком, «гештальты» тут же вносят порядок и ожидаемые конфигурации.

² См. психологические тесты. Каждый может насладиться объективированием, рассматривая узоры на ковре – изображение позволяет ему тут же образовать множество смысловых фигур. Подобное же настойчивое гениальное воображение некоего древнего разума создало из наблюдений над некоторыми комбинациями сосуществующих звезд те знаменитые рисунки 12 знаков Зодиака, которые (комбинации звезд) в принципе могут иметь сколько угодно других образов.

³ На самом же деле, как известно, элементарные частицы – вовсе не частицы в нашем повседневном понимании, а вообще невообразимые образования. Частица – один из примеров объективирования одного из предельных значений.

цессах восприятия экспериментально доказано гештальтпсихологией¹.

Объективирование проявляется в проекциях форм, гештальтов, онтологических схем. Сами они создаются отчасти через выборку элементов извне, подвергшихся переоформлению, большей же частью – в итоге мысленной активности. Укрепившись в сознании, они становятся поисковой формой восприятия или же, что то же самое, самой действительностью. Человек действительно видит, находит «объект» (материализованную схему, гештальт) в своих восприятиях, что безусловно убеждает его в «реальности» его прозрений.

Как часто мы встречаем примеры радикальных переоценок всех ценностей, обращений в веру, перемен (достаточно искренних) идеологий, смен картин мира («исправлений имен»). Они подтверждают тезис о том, что реальность (ее значения) есть каждый раз функция от социокультурного (и персонального) состояния сознания. Для нас реальностью всегда будут наши сегодняшние представления о ней, которые мы сами же создаем². Объективирование онтологических схем и делает их пригодными для их главных функций: ориентации, легитимации, оптимизации и прогнозирования (обнадеживания).

Шаблон, *матрица любой онтологии* состоит, похоже, из 4 компонентов, представленных в различных обличьях и выраженных с разной степенью самоотчетности:

¹ Любой образ или предмет воспринимаются как некая форма в сплошном контексте. Определяющее воздействие на формирование наших образов мира имеют в некоторой степени сами характеристики воспринимаемого (размеры, правильные очертания объектов) и в главном – смыслы воспринимаемого для нас. Сознание безотчетно верховодит восприятием, перестраивая его (картинки в тестах) «под смыслы», всегда домысливая неполное и стремясь к полноте, всеохватности и простоте. – Годфруа Ж. Что такое психология. В 2 т. Пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. Т. 1. М.: Мир, 1996. С. 186–189.

² Понятно, что под «мы» понимается данная культура, историческое общество – как результат синхронизаций миллионов чувствований и форм мыслительности в это время в виде гештальтов восприятий и онтологических схем.

- факторы (активные факторы, в том числе и субъекты);
- условия (пассивные факторы);
- законы (устойчивые связи);
- собственно «схема» или «рисунок», задаваемый специфической целью, мотивацией подправления действительности в какую-либо сторону¹.

Последний ингредиент «сценариев мира» всегда наименее очевиден, его условность, субъективность скрывается силой желания «чтобы мир был таким, каким он мне представляется», но наиболее важен, т. к. вносит основы смысла (необходимость²) во всю конструкцию.

Таким образом, как мы выяснили, онтологии или «картины мира» создаются людьми в амбивалентном режиме: полубессознательно и полуосознанно. Полубессознательность в их формировании определяется существованием процедур «очеловечивания» восприятия (исходно «животных»), т. е. тех трансформаций, которые в силу своей безотчетности, привычности, естественности долгое время считались чуть ли не элементами самой реальности вещей. Это полубессознательное упрощение, селекция, схематизация. Таким образом, есть, как мы показали выше, качественная трансформация исходно данного, которая и становится возможной именно в силу конкретности, множественности, одномоментности самого «данного».

Полуосознанность фиксируема как интуитивный выбор человека в его усмотрении и полагании ключевого звена существующего и выстраивании собственной мировоззренческой схемы. Полуосознанность заключается в том, что человеческое сознание отдает себе отчет в совершении судьбоносного акта выбора концептуального образа на роль предела. Вместе с тем, основная предшествующая работа, которую каждый проводит по-своему³, заключающаяся первоначально в «насыщении» куль-

¹ Схема, рисунок определяют, какие ингредиенты считать «активными», а какие «пассивными», где видеть «связи», а где их «не замечать».

² Необходимость – не факт, но интерпретация (Ницше).

³ Не только просто заимствует в процессе обучения, социализации какие-то понятия и образы из поля культуры, но как-то субъективно адаптирует их, осваивает их под себя.

турным материалом, затем в его «переваривании» и лишь затем «обнаружении» в себе уже как бы «готовых» собственных суждений и решений (полаганий), остается втуне.

Потому правомерна метафора «картина мира» в отношении онтологий: это не все совокупности взглядов, представлений, оцениваний, но лишь упрощенные схемы, специфически-селективные образы мира. Как художник интуитивно выхватывает из бесконечной конкретности восприятий нечто характерное и отличное, передающее их (восприятий) некий важный смысл, так и в онтологиях совершается то же самое. И в обоих случаях это для чего-то нужно.

Мы уже обозначили, рассуждая о процедурах формирования онтологий, главное их предназначение. Они создаются отнюдь не «для удобства» обозрения либо экономии усилий в удержании гигантского объема информации о внешнем мире – подобное объяснение может быть резонно для некоторой части научных и философских онтологий, да и то лишь в историческое время, близкое нам. Однако оно не работает для большинства онтологий, которые люди не могут не создавать именно в силу безотчетного характера их появления.

Онтологии есть не только явления, возникающие на уровне культур и профессиональных групп, т. е. характеризуют сознание каких-либо культур или же профессиональных групп (художников, ученых, философов и пр.). В простом виде они существуют, разумеется, и на индивидуальном уровне – в силу общей гомогенности сознания индивидуального и коллективного. В отличие от обыденных мировоззрений как простого накопления взглядов и суждений по поводу прожитого, личностные схемы (пусть неразвитые, малоотчетливые, в виде скучных «кредо») отчасти предшествуют им, отчасти подвергают их глубинным метаморфозам, создавая свой своеобразный личностный смысловой контекст своей символической вселенной.

Данное разъяснение позволит нам перейти от метафоры онтологий как «картин мира» к более точной метафоре онтологий как «машин смысла». Метафора «картины» представляет лишь статический результат динамических трансформирующих операций, в совокупности составляющих технологию символизации, означивания, внесения смысла. Слово «машина» в широ-

ком значении есть совокупность искусственных акций, замещающих естественное функционирование с целями оптимизации и контроля. Онтологии и переводят естественный эмпирический материал в кондиции смысла. Соответственно, это мыслительно-языковые машины, производящие само наше смысловое существование, его значащий контекст – от простейших объяснений мифа до современных научных космологий. И хотя эта машина работает в нарастающем сознательном режиме, всё равно ее главные исходные процедуры представляются безотчетно естественными – значит, практически не контролируются ею, т. е. объективны по отношению к самосознанию. Таким образом, онтологии – «объективно», сами по себе, возрастающие ментальные образования, активно форматирующие поле опыта до состояния однородной значащей среды и, как правило, *еще до* наступления событий опыта¹.

Люди не могут не создавать онтологии: можно сказать, они наполовину сами создаются, «самозавязываются» как среда сознания – в виде значимостей и символов. Но не забудем и вторую составляющую – полусознанность. Если полубессознательность определяет объективно принуждающий характер существования онтологий, то другая составляющая выражает известную произвольность субъективности. Это необходимая, часто исчезающе малая часть нашей природы, которая, однако, собственно, и делает нас людьми. Речь идет о феноменах возможной активности неутилитарного характера – любознательности, симпатии, эстетических и моральных чувствах². Именно подобные феномены лежат в основе единственно возможной свободы человека – свободы его сознания. Так вот, хотя онтологии в примитивных формах «кредо», «точки зрения» рождаются спон-

¹ Сначала, пока у человека нет своих схем и кредо, он безотчетно пользуется шаблонами повседневности (предрассудки), набирая культурный материал, он уже сознательно выбирает онтологии, затем «прислушивается к себе и усматривает» свои решения в себе.

² Понятно, что мы имеем в виду *относительно* неутилитарный характер подобных действий. В конечном счете какой-нибудь социобиолог может доказать, что в активности живого вообще не может быть ничего чисто неутилитарного – всё для чего-то требуется и работает, даже, казалось бы, совершенно бесполезное.

танно, однако их более или менее развитые формы производятся всё же теми людьми, коим присущ в большей степени, чем большинству, прагматистский интерес к жизни, неутилитарный произвол в отношениях с миром.

Такой неутилитарный произвол присущ людям в разной степени. Ясно, что это явно не эволюционное либо социальное преимущество людей, которые склонны к неутилитарным действиям. Напротив, это, как правило, ничемные в социально-эволюционном смысле особи. Ранее они отчасти терпелись как чудаки, блаженные, юродивые, теперь даже превозносимы в силу социально-эволюционных выгод, которые получают все именно от эксплуатации их самозабвенного, самосжигающего интереса в неутилитарному.

Оказывается, что «машина смысла» может продуцировать множество возможных схем реальности, которые вкупе приближаются к схватыванию его фундаментального образа, позволяющего действительно приступить к полезным манипулированиям. А это уже вопрос власти – прямой эволюционный вопрос. Неутилитарные субъекты конструирования онтологий – нищие художники, полуголодные ученые, полубезумные философы и религиозные подвижники оказываются стратегическим эволюционным ресурсом.

Таким образом, создают онтологии творческие индивиды, но индивиды с разной жизненной настроенностью. Первые ищут необычное (красоту и сильные чувства), вторые – безусловно правильное, третьи стремятся понять себя, четвертые – мир. Подобные извечно разные настроенности, жизненные предпочтения, воспроизводящиеся взброс среди каждого поколения, предопределяют постоянство качественно разных профилей – аспектов (онтологий) в общем мировоззрении эпохи. *Специфику онтологий задает субъект.*

Итак, онтологии – это не только и не столько высокоабстрактные схемы, итоги деятельности специалистов-теоретиков. Они близки повседневной жизни, каждому человеку. Многие из нас – чуточку философы, чуточку поэты, чуточку озабоченные религиозными вопросами. Подобное расширительное толкование ставит своей целью: